Настроение у императора последние дни было и впрямь отменное. Хотя в столице творился кавардак, Министерство ритуалов выворачивали наизнанку, а в рядах чиновников царил хаос, его дядя Пан Шао решал все проблемы. Даже если бы небеса обрушились, императора бы это не коснулось. Поэтому ему было глубоко плевать, каких чиновников там хватают.

Правда, дядя сказал ему, что кража средств, выделенных на «Праздник тысячи осеней» (день рождения монарха), — это величайшее неуважение. А значит, виновный должен быть сурово наказан. Сами наказания императора не волновали, но в качестве компенсации дядя втайне раздобыл для него двух «худых лошадок» из Янчжоу (обученных куртизанок), сменил им имена на благородные и ввел в гарем.

Женщины из злачных мест обладали особым шармом, недоступным порядочным девицам. Поэтому, нежась в «краю нежных грез», император решил: раз дядя говорит «сурово наказать» — значит, так тому и быть.

А через пару дней до его ушей донеслась еще одна радостная новость. Его чахоточный пятый братец внезапно слег с сильным жаром и не может подняться с постели. Услышав это, император от восторга выскочил из объятий красавиц и немедленно отправил в поместье принца Цзина придворного лекаря — посмотреть, не приберет ли смерть его драгоценного брата на этот раз.

Вскоре лекарь вернулся с докладом.

— У принца Цзина нет жара, — сообщил он.

Когда лекарь вошел, император вместе с Пан Шао играл в мацзян. При этих словах лица обоих помрачнели.

— Тогда что с ним? — Пан Шао отложил кости и тяжело спросил.

— Жара нет, но он прикован к постели, — продолжил лекарь. — Я проверил пульс Его Высочества. Это слабость, вызванная сильным потрясением, тревогой, а также злоупотреблением вином и простудой.

Пан Шао погрузился в раздумья.

Сидевший рядом император недовольно проворчал:

— Тогда почему мне доложили о горячке? Болеет, а еще находит силы обманывать меня! Какая дерзость…

Пан Шао поднял руку:

— Ваше Величество.

— Дядя? — император посмотрел на него.

На задумчивом лице Пан Шао постепенно расплылась улыбка.

— Если я не ошибаюсь… истинная причина этой болезни принесет Вашему Величеству еще больше радости.

— Почему? — удивился тот.

— Ваше Величество знает Цзи Ю?

Император долго соображал, прежде чем вспомнил знакомое имя:

— А, тот чиновник, что украл мои деньги?

Пан Шао кивнул с улыбкой.

— В утро его ареста принц Цзин поспешил в тюрьму Министерства наказаний и встретился с ним с глазу на глаз.

Император нахмурился:

— И что с того?

Пан Шао посмотрел на него с усмешкой.

— А затем принц Цзин под дождем в одиночку напился до беспамятства и через пару дней слег. Ваше Величество, как вы думаете, от чего у него «сильное потрясение и тревога»?

Император долго переваривал услышанное, пока на его лице не отразился восторг.

— Ты хочешь сказать… он тоже замешан в казнокрадстве и боится, что расследование дойдет до него?!

Пан Шао кивнул, хотя на словах осторожничал: — Это лишь мои догадки.

В глазах императора вспыхнул азартный огонек.

— Тогда чего мы ждем? Пусть его немедленно проверят! — воскликнул он. — Этот подданный посмел посягнуть на мое имущество! Это же обман государя! Почти бунт!

Император распалялся всё больше, будто уже видел казнь брата. В порыве радости он швырнул кости на кушетку:

— Дядя, позволь мне лично заняться этим делом, а?

Пан Шао посмотрел на него. Он лучше всех знал, как сильно император ненавидит своего пятого брата. У покойного императора было мало детей, многие умирали в младенчестве. Лишь пятый сын любимой наложницы рос под крылом отца, обласканный и защищенный от всех бед. В то же время нынешний император, хоть и был законным наследником, оставался для отца «прозрачным».

Пан Шао прекрасно помнил, сколько обид перенес его племянник из-за этого брата и как сильно он его ненавидел. Поэтому лучший способ угодить монарху — это позволить ему помучить принца Цзина.

Конечно, принц Цзин — это императорская кровь. Его можно унижать, но убить не так просто. И даже если казнокрадство будет доказано, на смертную казнь это вряд ли потянет. Так что лучше отдать его на забаву императору — пусть развлекается, как с боями сверчков.

С этой мыслью Пан Шао тонко улыбнулся:

— Принц Цзин — особа знатного происхождения, я не смею самовольничать. Если Ваше

Величество желает провести расследование, я немедленно выделю людей в ваше распоряжение.

Дожди в этих краях если начинались, то казались бесконечными. С того самого дня, как принц ушел в покои «госпожи» Гу и слег, мелкая морось не прекращалась ни на миг. Атмосфера в покоях Аньинь стала тяжелой и гнетущей, дышать было трудно.

Главной жертвой этого настроения стал Мэн Цяньшань. Последний раз он ощущал такое давление, когда принц ночевал у «госпожи» Сюй. Но на этот раз всё было гораздо хуже. Он весь день неприкаянно бродил по двору, чувствуя тревогу, причину которой не мог найти. Он понимал: нужно, чтобы принц вернулся.

Но принц остался у Гу Чанцзюня на одну ночь, затем на вторую… Раньше такого никогда не случалось. Казалось, на третьи сутки он уж точно должен вернуться? Но на третий вечер от Гу Чанцзюня пришла весть: принц серьезно болен.

Мэн Цяньшань в панике помчался в тот двор, но его не пустили.

Преградил путь сам Гу Чанцзюнь. Опершись о дверной косяк, в своем ярко-красном наряде он выглядел вызывающе красиво.

Глядя на мечущегося евнуха, он лениво улыбнулся:

— К чему спешка? Его Высочество просто немного перебрал вина в последние дни, и его силы истощились. Твое дело — передать весть во дворец и министерство, взять для принца отпуск на несколько дней. А остальное… просто позаботься о том господине в покоях принца.

— Но как же так… — Мэн Цяньшань пытался заглянуть внутрь.

Гу Чанцзюнь рукой закрыл ему обзор.

— Приказ Его Высочества: тебя не впускать. Ах да, на улице ведь дождь? Принц велел тебе возвращаться, проверить отопление в Аньинь и развести огонь. Ни в коем случае не пренебрегай нуждами того калеки.

Сказав это, он одарил евнуха надменным взглядом, развернулся и захлопнул дверь.

В комнате Цзян Суйчжоу лежал на кровати. Дыхание его было неровным, лицо — мертвенно-бледным.

— Всё передал? — спросил он.

Гу Чанцзюнь подошел к кровати и кивнул.

Цзян Суйчжоу закрыл глаза. Он не пустил Мэн Цяньшаня только потому, что боялся его болтливости и лишних расспросов. Он планировал вернуться в Аньинь через пару дней, но действие снадобий оказалось настолько внезапным и мощным, что он не мог даже сесть, не говоря уже о прогулке до своего двора.

Гу Чанцзюнь успокаивающе произнес:

— Не беспокойтесь, Ваше Высочество. Нужно перетерпеть первые несколько дней, затем

действие лекарств станет мягче. Тогда симптомы будут выглядеть просто как крайнее истощение на фоне сердечной тревоги.

Цзян Суйчжоу, лежа на кровати, согласно кивнул.

— Завтра, когда во дворце получат известия, они наверняка кого-нибудь пришлют, — произнес он.

Гу Чанцзюнь подтвердил:

— Именно так. После того как придворный лекарь осмотрит вас, мы дадим вам еще порцию снадобий. Разумеется, вылечить вас не удастся, и тогда у нас появится законный повод вывесить объявление о поиске врачей по всей стране.

Цзян Суйчжоу кивнул и закрыл глаза. Видя, что принц собирается отдыхать, Гу Чанцзюнь тактично удалился и устроился на ночлег во внешней комнате.

Между тем в Аньинь, где вовсю кипела работа по проверке отопления, атмосфера была ледяной.

Слуги и служанки сновали туда-сюда, стремясь закончить работу с дымоходами к вечеру и разжечь огонь, чтобы выгнать из комнат сырость. Мэн Цяньшань, стоя подле Хо Уцзю, старательно молчал, не смея проронить ни слова.

Хо Уцзю сжимал в руке книгу, но за долгое время так и не перевернул ни одной страницы.

— Говори, что хотел, — холодно бросил он.

Мэн Цяньшань пролепетал:

— Из двора господина Гу передали… передали, что Его Высочество не может подняться с постели и… останется на отдых там.

Хо Уцзю не шелохнулся.

Спустя мгновение он сухо спросил:

— Что за болезнь?

Мэн Цяньшань на мгновение лишился дара речи.

Хо Уцзю подождал немного, и не услышав ответа, поднял глаза. Его бездонно черные глаза впились в евнуха.

— Говори, — повторил он.

От этого взгляда у Мэн Цяньшаня пробежал холодок по спине.

Он вздрогнул и затараторил:

— Говорят, Его Высочество за эти два дня перебрал вина и… силы его истощились, и он… вот, занемог.

Хо Уцзю сидел неподвижно, лишь рука, державшая книгу, внезапно сжалась с такой силой, что

страницы смялись и пошли складками.

«Перебрал вина? Силы истощились?»

Хо Уцзю сжимал книгу, чувствуя, как внутри закипает неописуемое раздражение.

Прекрасно… Этот доходяга просто молодец. Ему мало было пить под дождем на улице, так приспичило пойти пить в покои к наложнику, да еще довести себя до «истощения», прежде чем угомониться.

Хо Уцзю и не подозревал, что человек может вызывать такую ярость. Принц не был похож на Цзян Шуньхэна или Пан Шао — те были гнилыми до мозга костей, их злоба была понятна, и на нее можно было реагировать хладнокровно.

Этот же был словно кошка: сначала заберется к тебе на грудь и ластится так, что глаз не отвести, а потом начинает вытворять черт знает что, лишь бы тебя раззадорить. И хотя всё это были мелочи, не стоящие серьезных переживаний, именно из-за того, что делал их он, они внезапно превращались в посягательство на личные границы, заставляя сердце гореть от нестерпимой досады.

Пальцы Хо Уцзю с силой прошлись по измятым страницам.

Стоящий рядом Мэн Цяньшань чувствовал себя крайне неуютно — казалось, эти пальцы, терзающие книгу, давят на его собственное горло, не давая вздохнуть.

В этот момент, даже при всей своей глупости, он примерно понял чувства сидящей перед ним «госпожи». Тот молча злился. Или, вернее сказать, он ревновал.

— …Господин Хо? — спустя некоторое время с трудом выдавил он.

Генерал замер и небрежно отбросил в сторону испорченную книгу.

— Ступай, — велел он.

Мэн Цяньшань, не решаясь уйти, тихо добавил:

— Прошу вас, господин, не принимайте близко к сердцу. Его Высочество и так слаб здоровьем, выпил лишнего, надуло его… Такое случается…

Сидящий в кресле Хо Уцзю издал тихий холодный смешок. В следующую секунду он вскинул взгляд на евнуха.

— Со мной всё в порядке, — произнес он. — Просто не ожидал, что порядки в вашем поместье принца Цзина настолько распущенные.

Мэн Цяньшань не понял, к чему это. Но Хо Уцзю, с ледяным выражением лица глядя в окно, проговорил сквозь зубы:

— Таких наложников, что соблазняют хозяина и дурманят ему голову, в моем поместье Динбэй-хоу давно бы уже казнили.

http://bllate.org/book/16965/1580109